

Хозяева

В 1943 году Курск сражался; в 1944 — строился. И вспоминая весну сорок третьего года никто поэтому не удивится, что из 35 работников швейной фабрики № 1 только 15 шили, а 20 копали окопы. Так было на каждом предприятии. Чтобы шить, а главное — чтобы жить — надо было защищаться: враг стоял у ворот.

Спросите у Анастасии Базаровой: ваша профессия? — «Швейница», — ответит девушка. А что сделали руки этой швейницы за два года? Базарова строила баррикады и она же потом разбирала их; Базарова убирала хлеб в колхозе; Базарова носила глину на стройку; Базарова штукатурила и белила; сейчас Базарова шьет. Рядовая курянка, она своими руками устроила жизнь в освобожденном городе. Чтобы работать на фабрике, она сперва зачислялась ее, потом отстраивала.

Базаровых здесь сотни, и потому так быстро воскресла эта фабрика. Вам назовут четырех старых швейниц — Валентину Плохих, Анну Галошину, Ольгу Тарасенко, Любовь Тараканову. Они первые пришли на фабричный двор и остановились у развалин. Погоревали — здесь прошла их молодость. Ольга Тарасенко сказала: «Ну, что ж, давайте устраиваться». Они очистили от немецкой мерзости клуб, потом принесли свои швейные машины. Образовалась мастерская. Но работницы гордо воздвигли вывеску «Фабрика № 1» — они смотрели в будущее и верили в него. Зимой фабрика получила первые машины. Накануне годовщины, в январе прошлого года, пришло известие — можно получить еще 100 машин. Клуб был тесен, и сама жизнь звала женщин — их уже было больше 200 — в главный корпус. Немцы разрушили его так, как могут разрушать только немцы. Они жили на втором этаже, а с третьего снимали полы и жгли их. Полов нехватало — выпилили куски стропил. Подпиливать крышу в доме, в котором живешь — это умеет лишь немец. Крыша рухнула, продавила потолок. Летом в здание попала бомба и нигде не осталось ни штукатурки, ни потолков, ни окон: коробка. 200 швейниц, которые никогда не строили, взяли превратить коробку в фабричное здание.

У нас в городе тысячи добровольцев, движение это стало бытом, к нему привыкли так, что порой забывают, как оно благородно. Но вдумайтесь, товарищи: вся фабрика добровольно откалывалась от отдыха! Отработав смену, швейницы спешили в корпус. Договорились: ежедневно

работать по два часа. Бригадир-коммунистка Ануфриева рассказывает: «Штукатурим, песни поем — не заметили как три часа прошло. Уходить? Но в ящике еще раствор есть. Одна скажет: давайте до темна, бабоньки, быстрее выстроим...» По 4—5 часов добровольной бесплатной работы отдавала ежедневно каждая женщина. У Марии Бобовниковой шутиливо спросили: «Значит платили вам хорошо?» Девушка вспыхнула: «Кто о деньгах думал? Себе фабрику делаем, да это же гордость такая!» Среди работниц были много семейные солдаты. Девушки говорили им: «Вы идите домой, сами управимся». Старая швейница Захлебина строго возразила: «А с какими глазами я в новый цех приду? Нет уж всем, так всем».

Директор фабрики П. Ф. Ягодкин вспоминает: «Растерялся — строителей двести — где я им глины напасу, лошадей то одна. Пришел к женщинам, они утешили: «Вот забота, сами принедем». Тася Калининна, Лидия Амелина, Анастасия Воробьева, Клава Никифорова взяли носилки, за ними пошли остальные. Так и носили глину — сами за два квартала, да потом на третий этаж. Мел — сами растерли, песок — сами добыли.

Этот дом сейчас не отличается от других. Струятся в окна солнечные блики. Поднимаемся на второй этаж — светло, уютно, стоят машины. На третьем — все готово, положат пол — и здесь можно работать. Выходим на чердак: балки, перекрытия уложены заново, кровля на месте. Кто это сделал? 15 девушек, которые и не подозревали, что могут поднять со второго этажа массивную тяжелую кровлю. Девушками руководили два старых плотника.

Так воскресло здание. Работницы вложили в него 20 тысяч часов, добровольно оторванных от отдыха. Можно назвать лучших — бригады Калининной, Бобовниковой, Шошиной. Но разве плохо работали штукатурки бригады Шумаковой или Ануфриевой? Разве отставали строители из бригады Дудник? Подвиг совершен коллективно — и в этом его главное значение.

Работницы шьют в новых цехах. Что это значит? Разместив оборудование в главном корпусе, фабрика за один январь 1945 года дала продукции больше, чем за весь 1943 год. Она достигнет в этом году довоенной мощности, будет иметь ныне столько машин, как и до войны. Она мо-

жет одеть за месяц крупное воинское соединение, и если боец получит на фронте гимнастерку с курской фабричной маркой — пусть он вспомнит: для того, чтобы сшить эту гимнастерку, швейницы полгода отстраивали фабрику, жертвовали отдыхом, учились незнакомым профессиям.

Это, так сказать, материальный результат добровольческого движения на одной фабрике. Но есть еще один результат, который не встретишь в бухгалтерских книгах. Женщины, столь беззаветно потрудившиеся для возрождения фабрики, сейчас заботятся о ней как-то особенно любовно. Это забота подлинных хозяев. П. Ф. Ягодкин говорит: «Никогда у нас так хорошо не относились к оборудованию, как сейчас». На днях молодая работница из новичков обронила деталь машины и не подняла. Другая — насорила в цехе семечками. Старая работница подняла деталь и накричала на девушку. Те обиделись. «А тебе чего? Ишь, начальница!» «Не начальница — хозяйка, — поправила она их. — Вон стена — я ее клала, и эту машину сама ставила». Две женщины в бригаде Ануфриевой не выполняли нормы. Бригадир собрала швейниц: «Зачем мы цех строили, вечеров не жалели — чтобы норму не выполнять?».

Добровольная работа и сдружила людей. Базарова говорит: «Мы втроем штукатурили — теперь, как родные стали». Ануфриева вспоминает: одна девушка потеряла хлебную карточку — подружки месяц кормили ее своим найком. У многих дети, трудно жить — подружки выручают деньгами, топливом. Это мелкие штрихи. Но из них складывается большее — вдохновенный труд развивается у людей благородство. Коллектив растет. Из деревни приходят на фабрику девушки, не знакомые с рабочим коллективом. Каким же изумительным воспитателем явится для них дружная семья швейниц, познавших тяжесть и радость восстановления, ставших настоящими хозяйками фабрики.

Сегодня день итогов. Люди оглядываются назад — что сделано за два года. Каждый, кто любил город и старался для него, может сегодня показать — вот школа, вот дом, вот завод — в них есть и мои кирпичи. Швейницы говорят: вот фабрика — мы вернули ее и стране и себе — и это звучит, как в сводках: мы одержали победу!

Г. РАДОВ.

Молодежь Курска готовится к областным лыжным соревнованиям.

На снимке: спортсменка спорт-общества «Динамо» В. Евдокимова на тренировке. Фотохудожник А. Богданчиков.

Ждите восточку из Берлина

Когда Красная Армия освободила от немцев наш Курск и Иван Настенко был призван на фронт, он сказал:

— Обязательно дойду до Берлина! Я им покажу, калям, как наши города жечь!

С тех пор эта мысль не давала покоя отважному воину. Ничто не останавливает его. Зимой 1943 года он дрался на Украине. При форсировании Днепра его ранило, но он не покинул поле боя, а, перевязав раны, пошел дальше, на запад. У Винницы его снова тяжело ранило. Но он ни за что не хотел уезжать из полевого госпиталя в тыл, и, поправившись, снова пошел в свою часть. В Румынии Иван Настенко стал командиром минометного расчета. Вместе с товарищами перешел он через Трансильванские Альпы и вступил в Венгрию. Сейчас, когда вы читаете это письмо, Иван Настенко из своего миномета бьет немцев на улицах Будапешта.

Гвардеец сказал мне: «Напиши курянам, что теперь мне до Берлина меньше остальных нет, чем я прошу. Скоро пришло им оттуда восточку».

П. ГОРЛЕНКО.

Полевая почта 73440-Д.

Я отомщу немцам за Курск!

Дорогие земляки!

Недавно я лежал в госпитале за Вислой и прочел там книжечку Ильи Эренбурга «Новый порядок в Курске». Книжечка эта меня очень расстроила. Я узнал, как 15 месяцев стонал наш родной областной город под гитлеровским гнетом.

Эта книжечка еще больше распалила мою злобу на немца. Я, красноармеец Скуридин Петр Павлович, клянусь моим землякам-курянам, что устрою новый порядок в Берлине. Я приду туда и отомщу немцам за кровь своих земляков.

Товарищи! Я отправил на тот свет уже много фрицев. Мои односельчане из Бершаковского сельсовета, Больше-Троицкого района, знают, что я еще там убил 23 немца. А потом, по пути от Бердичева до Сандомира, я их из автомата порезал сотней.

Мы, фронтовики, очень довольны работой тыла. У нас всего на фронте хватает — мы сыты, одеты и хорошо вооружены. Спасибо вам, земляки, за это.

Поздравляю вас с годовщиной освобождения.

П. СКУРИДИН.

Полевая почта 24049.

Матери погибшего фронтовика А.К. Погребной, — организатору восстановления школы, где учился ее сын, с глубоким уважением посвящаю.

I.

Уже, наверно, целых две недели лежала в подпирившем ларце Бумажка, от которой почернели У матери морщины на лице. И мать, как все, назвала «похоронной» Шершавый, вдвое сложенный листок. И на крыльце утрами почтабона Не ждала, зябко кутаясь в платок. Но вечерам судьбу не тасовала, Раскладывая карты на столе, И слов своих ни с кем не толковала. Что толковать? Ведь сын в сырой земле. Он шел с винтовкой в пламени и гуле. Он доты и траншеи штурмовал. Он жить хотел. Но вражеская пуля Солдата уложила наповал. Не надо карт. Разлука гробовая. Нет вещей снов. Нет встречи впереди. Но все живое, не переставая, О нем, о мертвом, матери твердит. Вот девушка — он с нею вырос вместе И, может быть, он был бы счастлив с ней... Вот старый клен — с него он падал в детстве... Вот птицы — он не мог без голубей... И даже — вещи. Не о нем ли книга Страницей каждой шепчет горячо. Он помнил путь трехмачтового брига. Он в ней остался, раз ее прочел. А самовар? Сверкая медной крышкой, Он напевает тихо об одном,

Как угольки в нем раздувал мальчишка Большой отцовским рваным сапогом. А молоток, пила, рубанок, клещи? А этот самодельный шкаф для книг? Нет, в целом доме не найдется вещи, В которой бы не ожил он на миг. Он был один, но как была богата. Она, старушка в вязаном платке! Какое счастье было ждать солдата Домой, с одною сумкой, налегке. Она в ней горы золота отыщет. Хоть будет сумка попросту пуста! Теперь — не то: мать сразу стала нищей. Ужасна, как потеря, нищета. Он не придет, не постучится в двери, Через разлуку не шагнет вперед. Но сердце в это не могло поверить: Сын в материнском сердце не умрет.

II.

Мать ранним утром возвращалась с рынка Коротеньким, старушечьим шагком. В корзинке были овощи и крынка С топленым розоватым молоком. На улице, знакомой до рыдания, Слепых домов родные имена, И рядом с баней взорванное здание И баррикады рыжая стена. Красавец-дом со сводчатою аркой Молчал, незрячий и глухонемой. И стало больно матери и жалко, Как будто был он домом ей самой.

РАССКАЗ

Мать

Но вот, боясь, как видно, опозданыя И выбрав путь прямой через дворы, Под аркой искаленного здания Вприпрыжку пробежали школяры. Мать глянула и вдруг затормозилась, Как бы припоминая спешные дела. (—Что ж я стою, скажите вы на милость? Давно пора!) и вверх быстрее пошла.

III.

Вот этот дом. Вошла в дыру дверную И, паутину отряхнув с лица, По гудам кирпича наудалую. Прошла по коридору до конца. Потом вернулась к лестнице. Перила Обломаны. А вот панель все та же. Чуть юбку приподняв, она всхлынула, Боясь сорваться, на второй этаж. Овальный зал. В нем росписи остатки: Пунктиром — чистых линий синева. Загаженные пальмовые кадки. И на паркете в трещинах — трава. Корзинку опустив на подоконник, Чтоб отдохнула чуточку рука, Мать со своим упрямством беспокойным Добралась, наконец, до чердака. Чердак темнел паутиной углами, Вверху торчали гвозди из досок, Наклонной горкой сложенные рамы Стояли от двери наискосок. Они два года света не видали,

Чердачная клубилась полумгла, — Так для чего в них мастера вставляли Прозрачные квадратники стекла? Мать пыльный слой концом платка обтерла

И удержать улыбку не могла, Когда вдруг солнце вспыхнуло на стеклах

Живой полоской света и тепла.

IV.

— Ефремовна! Что, Надя дома?

— Дома!

— Пожалуйста, войдите.

Мать вошла.

— День добрый, председатель уличкома!

— Садитесь!

Тихо села у стола.

— Шьешь?

— Нет, белье для раненых стираю.

А стала гладить — пуговок-то нет!

Я у себя десятка два набрала.

Без пуговок неловко — в лазарет.

— А я к тебе с серьезным делом, Надя.

О нем теперь поговорить не грех.

И было что-то в материнском взгляде

Хорошее и нужное для всех.

— Я нынче утром побывала в школе.

В той, где четыре годика назад

Учился мой... ты знаешь... Анатолий...

Еще светлей стал материнский взгляд.

— В середине — места не найти живого —

Старались немцы будто напоказ.

Но школа ведь должна открыться снова?

Так кто ж ее откроет, кроме нас?

Еще недавно женскою бригадой,

Всей улицей — ты видела сама —

(Окончание см. на 4-й стр.)